

Николай Лесков

Статьи

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84-4
Л50

Л50 **Лесков Н.**
Статьи / Николай Лесков – М.: Книга по Требованию, 2012. – 552 с.

ISBN 978-5-4241-3519-4

Николай Семенович Лесков широко, объективно отразил в своих произведениях жизнь российского общества его эпохи - эпохи отмены крепостного права, пробуждения деловой активности масс, размежевания интеллигенции на разные идеологические "сторны". Большое внимание уделял Лесков и русской старине, считая ценным для развития общества накопленный тысячелетиями народный опыт. Документальность многих его произведений сочетается с художественной выразительностью, психологической глубиной, яркостью языка.

ISBN 978-5-4241-3519-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Николай Семенович Лесков
Статьи

«ГОРОДСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ»

С.-Петербург, суббота, 16-го июня 1862 г

В №№ 99—101-м “Северной почты” помещена “Программа для составления соображений относительно улучшения городского общественного управления”. По этой программе требуются министерством внутренних дел от местных начальств необходимые сведения и соображения для предполагаемых преобразований во внутреннем устройстве городских обществ, устройстве, которое до сих пор было крайне неудовлетворительно и которое не соответствовало ни первоначальной цели наших законодательных постановлений, ни тем преобразованиям, которые совершились уже в управлении сельских обществ.

Из № 153-го нашей газеты читатели могли получить некоторое понятие об общем смысле этой меры. Что касается упомянутой программы, то по обширности ее мы не можем поместить ее здесь в полном составе. Ограничимся лишь тем, что поговорим об общем значении предпринимаемой реформы для городских обществ и коснемся самой программы настолько, насколько содержание ее может объяснить виды и цели правительства по настоящему предмету.

Нынешнее общественное устройство городов империи¹ имеет основанием изданное в 1785 году городовое положение, которое, лишь за некоторыми частными изменениями, сохраняет до сих пор полную силу и действие. Но как в этом положении определены только главные начала общественного устройства без подробнейшего развития их, то местные власти и городские общества были крайне затруднены в точном применении этого основного постановления, и особенно в приспособлении к нему изданных впоследствии новых узаконений, имевших ближайшее отношение к общественному устройству; вследствие чего повсеместно были допущены значительные отступления от коренных начал положения 1785 г. Естественно, что такое неправильное и разнообразное применение этих начал породило запутанность в составе и устройстве как самих обществ, так и управления ими, и на деле установился совершенно произвольный порядок, укоренившийся временем и обычаем.

Неустройства эти, отразившиеся особенно на хозяйстве городов, не могли не обратить на себя внимания правительства. Правительство убедилось, что улучшение городского хозяйства возможно лишь при изменении самой системы городского общественного управления. В этих видах положено было приступить к преобразованию общественного устройства городов, начав это преобразование со столиц, с тем, чтобы потом вводимый в них порядок распространить с нужными изъятиями на другие города.

Первый опыт улучшения общественного управления сделан был в Петербурге на основании изданного в 1846 г. положения, представляющего собою более полное органическое развитие начал городской грамоты 1785 г.

Опыт оказался вполне успешным, потому что с приведением в действие означенного положения обнаружились видимые улучшения как в общественном хозяйстве столицы, так и в делах, касающихся отдельных сословий. Такие благоприятные последствия послужили поводом к ходатайствам со стороны многих губернских начальств, а также дворянских и городских обществ о применении правил петербургского положения к другим городам, вследствие чего и разрешено было на первый раз приступить к составлению предположений по сему предмету в Москве и Одессе.

Между тем бывший с. — петербургский военный генерал-губернатор, генерал-адъютант Игнатьев возбудил несколько вопросов насчет применимости и практичности некоторых начал, выраженных в положении 1846 г. Последствием этого был пересмотр означенного положения, которое в некоторых частях изменено и дополнено. С этими изменениями и дополнениями с. — петербургское положение и согласованное с ним положение для Москвы внесены были в октябре 1861 года в государственный совет и удостоились уже утверждения.

Существенное изменение, сделанное в петербургском положении и примененное к Москве, касается состава общей думы. По положению 1846 г. на эту думу, составленную из гласных от всех городских сословий и разделенную по числу сословий на пять отделений, возложено было заведывание как делами городского хозяйства, в которых должны принимать участие все городские сословия, так и делами сословными, имеющими отношение лишь к отдельным сословиям. Такое соединение в одном учреждении дел, в сущности, разнородных представляло на практике много неудобств, последствием чего было то, что сословные отделения общей думы получили характер особых самостоятельных учреждений, которые соединялись лишь в тех случаях, когда представлялась надобность обсуждения дел, касавшихся нескольких сословий или всего городского общества. Притом соединение всех отделений общей думы, состоявших каждое из 100 до 150 гласных, в одно собрание по многочисленности казалось неудобным, так что общие собрания происходили редко и общие городские дела обсуждались также по отделени-

ям.

Такой порядок, конечно, не мог содействовать правильному обсуждению дел. Поэтому, чтобы доставить возможность гласным от всех сословий собираться всегда вместе для обсуждения хозяйственных дел столицы, состав общей думы ныне ограничен только одною третью гласных, по 50 от каждого сословия; заведывание же делами сословными возложено на особые собрания выборных, соответствующие прежним отделениям общей думы.

Вместе с утверждением этих правил министерству внутренних дел разрешено безотлагательно приступить к улучшению общественного управления во всех прочих городах империи, применяясь к основным началам общественного управления в С.-Петербурге и Москве. Хотя таким образом основания нового порядка должны быть одинаковы, но применение их будет очень разнообразно; смотря по степени развития городской жизни в том или другом центре. Есть города, где существуют все элементы правильной городской жизни и где эти элементы получили уже более или менее полное развитие; наоборот, есть такие города, которые, сделавшись административными пунктами, сохранили первобытный земледельческий характер. Очевидно, что управление в тех и других должно подчиняться совершенно различным условиям. В центрах с более зрелым развитием городской жизни оно может быть более сложно; в центрах с меньшим развитием городской жизни оно должно быть по возможности упрощено, приближаясь к формам управления сельского.

Само собою разумеется, что лучшими судьями в подобном деле могут быть местные начальства и самые общества, и с этою-то целью министерство внутренних дел, прежде чем приступить к преобразованиям, требует по-добрных об этом соображений от местных начальств, с участием представителей от городских сословий, для чего и разослана программа.

Программа требует ответов на следующие главные вопросы:

1) Какие условия городской жизни заключает в себе город (или посад), в котором предполагается преобразовать общественное управление?

2) При каких условиях поселившиеся там жители должны считаться членами городского общества и на какие разряды или сословия жители эти могут быть разделены?

3) В чем состоят общественные дела городского общества и отдельных городских сословий?

4) Какие учреждения и должности надлежит установить для заведывания общественными делами?

5) При каких условиях городские обыватели могут получать право голоса в выборе уполномоченных (выборных и гласных)?

6) Какие условия должны соединять в себе лица, избираемые в общественные должности?

7) Каким образом должны быть определяемы права избирателей и избираемых?

8) Какой порядок должен быть установлен относительно составления общественных собраний для выборов, а также каким образом должны производиться самые выборы?

9) Должны ли быть составляемы и какие именно собрания для выборов некоторых сословий в частности?

10) На какой срок должны быть избираемы должностные лица и какие преимущества надлежало бы присвоить лицам, состоящим в городской службе?

Вот существенные пункты программы. Очевидно, что самый важный из них есть вопрос об учреждениях и должностях для заведывания общественными делами. По важности этого вопроса, для разрешения которого особенно необходимы местные сведения и соображения, программа дает полный простор всякому мнению, выражаемому сознанием общей пользы.

“Здесь предлагаются, — сказано в программе, — только общие указания для руководства при соображениях относительно образования общественных учреждений и должностей в городах, но указания эти не должны стеснять в составлении предположений по сему предмету, если по местным обстоятельствам признано будет необходимым принять иные формы; если бы только при сем удержаны были главные основания, признанные уже полезными при устройстве общественного управления в обеих столицах. Вообще, — продолжает программа, — где можно будет упростить и сократить состав общественных учреждений, следует войти о том в подробнейшие соображения, стараясь всемерно, чтобы с правильным разграничением обязанностей число общественных должностей не только не увеличилось без надобности, но уменьшилось бы против прежнего к облегчению общества”.

Таков общий смысл предполагаемой реформы.

Желательно, чтобы городские общества сознали цель, к которой ведут настоящие распоряжения, и занялись этим делом со всем вниманием, какого оно заслуживает. Тут речь идет не об удовлетворении административной любознательности, не о статистике, над которой иногда так глумятся местные власти. Тут речь идет о правах граждан, а для человека сколько-нибудь развитого ничто не может быть столь дорого, как сознание и определение своих прав.

Говоря словами программы, в настоящем случае “от местных обывателей будет зависеть воспользоваться делаемым им доверием и оказать правительству свое содействие к установлению правильных оснований в предпринимаемом преобразовании, столь тесно связанном с их собственным благосостоянием; равнодушие и небрежность их в настоящем случае могут отразиться на них же самыми неблагоприятными последствиями”.

Настоящее дело тем важнее для городских обывателей, что от успешного разрешения этой задачи будет зависеть также изменение в бюджетном хозяйстве городов. Таким образом, реформа в общественном устройстве, разумно выполненная, кроме удовлетворения современным потребностям, будет заключать в себе элементы к широкому развитию в будущем общей автономии городских корпораций.

ДВА МНЕНИЯ ПО ВОПРОСУ О БРАКАХ

Люди “древнего благочестия”, именуемые на общеразговорном языке “раскольниками”, всею силою своей узкой логики вооружаются против брачных связей “людей древнего благочестия” с православными и вообще “еретиками”. Разрешение православным браков с католиками и лютеранами “люди древнего благочестия” ставят в непростительную вину церкви православной и порицают ее за это содействие осквернению истинного христианства. Разговор об этом идет с давних пор и давно уже обогатился различными хитрыми доводами с той и с другой стороны.

Стремясь убедить, что Творец оскорбляется счастьем католика, соединенного с лютеранкою, или евангелички, сопряженной с православным, законники “древнего благочестия” приводят правила вселенских соборов: 14-е четвертого и 72-е шестого, также 10-е и 31-е правило собора Лаодикийского и сочинения Матвея Властаря, Никона игумена, Токтиона и многих других. Наши православные законоучители смотрят на это гораздо толерантнее и приводят с своей стороны разные места из духовных писателей, пользующихся церковным авторитетом, доказывая, что брачное соединение людей разных исповеданий не противно духу христианства или по крайней мере может быть терпимо. Вопрос этот долгое время был предметом жарких прений, в которых “люди древнего благочестия” нападали на “вводимый в христианство разврат”, а православное духовенство более или менее искусно отстаивало позволительность браков православных с христианами неправославными. Потом вопрос этот замолк: “люди древнего благочестия” остались при своем мнении, а православное духовенство при своем. Все время частою минувшего уже стеснения раскольничьей пропаганды об этом вслух почти не спорили, потому что и спорить-то было нельзя: шансы у спорящих были слишком неравны. Нынче, как известно, “людям древнего благочестия” повольготнело, они свободно заявили свои сочувствия к современным политическим событиям и, заявясь таким образом сами, стали снова поспаривать друг с другом: поморяне-беспоповцы с федосиянами, королевцы с поморянами и т. д. Словом, улегшиеся под запретом глаголания междуусобные раскольниччи распри готовы, кажется, снова проявиться в горячей полемике, которая лучше всего докажет недогадливым людям, что наши “люди древнего благочестия” очень узкие религиозные фанатики и никакие политики. Устные и письменные прения законоучителей разных толков необыкновенно любопытны и при всей своей узости и несовременности достойны большего внимания. Но пока эти прения идут только устно или письменно, они, к сожалению, совершенно недоступны критическому взгляду общества и прессы, способной отнести к этим спорам с тем беспристрастием, которого они в самом деле заслуживают. Знаменитый вопрос “об изучении раскола” сам подошел к воротам и, постукивая клюкою, тянет свое скитовое: “Господи Иисусе Христе сыне Божий! помилуй нас”. Ему стоит ответить из-за ворот условное: “аминь” — и откроется великая тайна, разоблачается великие загадки раскола, с которыми великие современные публицисты носились как с писаной торбой. Этот “аминь” будет произнесен в тот день, когда раскольники перейдут от устных и письменных прений к открытой печатной полемике, хотя бы только друг с другом. Очевидно, кто может произнести этот магический “аминь”. Это — правительство, которое имело полную возможность удостовериться, что “нынешний раскол вовсе не политическая оппозиция правительству и что правительство смело может дать “людям древнего благочестия” полнейшее равноправие со всеми гражданами царства и свободу совести”. Теперь, когда горячее желание наше частию уже удовлетворено правительством и правительство не имеет никакого основания сожалеть о том, что им сделано для “людей древнего благочестия”, мы ступим в этом вопросе один шаг далее: мы пробуем заявить еще одно желание. Нам остается желать, чтобы для низведения раскола с его пьедестала, задернутого завесой таинственности, ему была дозволена открытая литературная полемика одному толку с другим и даже с православным духовенством. Желание это некоторым людям может показаться несколько смелым, пожалуй даже дерзким, а пожалуй, чего доброго, и опасным. “У всякого барона своя фантазия”. Но, по нашей фантазии, желание наше выходит не только вполне законным и весьма умеренным и безопасным, но даже крайне полезным в интересах чистоты высоких истин евангельского учения.

Самая слабая сторона раскола есть узость его мировоззрения, нетерпимость и несовременность стремлений, не отвечающих ни условиям современной жизни, ни требованиям нынешней цивилизации, ни привычкам и нравам современного русского общества. За сферою вопросов чисто религиозно-догматических, в которых полемизаторы православные всегда найдут возможность отстаивать свои принципы с неменьшим успехом, чем полемизаторы “древнего благочестия”, которые станут отрицать эти принципы, возникает ряд вопросов житейских, на которые господствующая церковь смотрит совершенно иначе, нежели как смотрят учители “древнего благочестия”. К большинству таких вопросов православная церковь относится гораздо гуманнее и толерантнее, чем “люди древнего благочестия”. В этом ее сила, в этом ее смелая надежда на возможность выйти победительницею в каждом спорном вопросе.

Возьмем затронутый нами вопрос о браке. В нем, как известно, прежде всего и сильнее всего у людей развитых играет первую роль чувство, взаимная любовь, взаимная привязанность супругов. Сердцу повелевать, говорят, нельзя, да, может быть, и незачем. Пусть любит, кого любит, — лучше, чем никого не любит. Полюбит православный лютеранку, евангеличку, католичку, англичанку, кальвинистку или другую какую “еретичку” — церковь православная велит своему слуге освятить такой союз и молиться за него, а церковь “древнего благочестия” видит в таком союзе оскорбление истинного христианства и не только отвергает его, но клеймит именем разврата, наложничества и конкубинатства. Самый “сводный брак” на севере законен только со своими, а с “еретичкой” — блуд, за который человек “отметается от общения с истинными христианами”.

Недавно наше духовенство² вошло снова в полемику с “древним благочестием” по брачному вопросу и самым успешным образом доказало несостоятельность суровых, диких бредней, в силу которых раскол лишает человека права на брак с милым ему существом, если это существо не принадлежит к одному с ним религиозному толку. Православное духовенство не только нашло, что поставить против догматических доводов, поставленных раскольниками в защиту варварской теории, не уважающей союза любви и глумящейся над естественным правом сердца, но оно блистательно разбило эту диковинную теорию даже на почве исторической. Вот что сказано в конце статьи, делающей честь автору и редакции журнала “Православный собеседник”:

“Для большего еще удостоверения в законности браков православных лиц с неправославными и с неверными можно представить примеры таких браков, как из Священного писания, так и из истории. Патриарх Иаков, например, женился на дочери неверного Лавана (Бытия, гл. 29), Иосиф — на дочери египетского жреца Пентефрия (Бытия, гл. 41), Моисей — на дочери Иофора, мадиамского священника (Исход, гл. 2), Самсон — на филистимлянке (Судей, гл. 14), Вооз — на Руфи, моавитянке (Руфь, гл. 4), Давид — на дочери царя гефсурского (Царств, кн. 2, гл. 3), Соломон — на дочери царя египетского (Царств, кн. 3, гл. 3). Эсфири была женою Артаксеркса, царя персидского (Эсфири, гл. 3); св. апостол “Тимофеи сын бе некия жены иудеани, отца же елина”. (Курсив подлинника.)

Ну, где же хотя малейшее равенство шансов на общественное сочувствие у этих двух препирающихся законотолкователей? Есть ли микроскопический атом вероятности, чтобы современное русское общество обнаруживало что-нибудь, кроме презрения, к теории, запрещающей брак двум любящим друга друга людям за то, что над купелью одного Символ веры прочитан не совсем так, как над купелью другого, или трегубили, а не двугубили аллилую? От кого скорее будет ждать это общество еще больших уступок в пользу повсюду заявляемого желания изменения брачных законов: от узкого понимания рутинного начетчика или от людей, пишущих курсивом, что “св. апостол Тимофеи сын бе некия жены иудеани, отца же елина”? Двух ответов быть не может.

Прежде чем заключить нашу статью, предложим общественному вниманию еще один вопрос, естественно вытекающий из нового положения раскольников в русском царстве.

Теперь их права стали значительно шире; мы желаем, чтобы они стали еще шире, и даже высказываемся в пользу предоставления им возможности отстаивать истину своего учения путем открытой полемики, необходимой, по нашему понятию, в интересах истории раскола и как нельзя более отвечающей высшим соображениям правительства и выгодам государства. С тех пор как мы знаем о намерениях нынешнего министра народного просвещения познакомиться с системою и сущностью первоначального обучения детей в обществах “древнего благочестия” и предоставить им возможность лучшего, более полного, правильного и современного образования, не нарушая строго сохраняемых их обществами преданий, мы не сомневаемся, что результатом всех этих хороших мер, разумеется, явится просвещение, в размерах, не касавшихся до сей поры замкнутой в самой себе среды “людей древнего благочестия”. Плоды просвещения одинаковы почти на каждой почве. Свет гонит тьму отовсюду, из каждой головы, самой темной, самой засоренной предрассудками. Несмотря на несовместимость истинного просвещения с узкими преданиями фанатически религиозных “людей древнего благочестия”, оно все-таки принесет свой светлый, здоровый плод. Развитому сыну поморского начетчика не по сердцу придется подруга, способная только детей качать да клопов давить, а нравственно чистому федосиянину станут претить ложные отношения к своему посестрию. И чего не сделали Петровы крючья, плахи и каленые клещи, то легко и мирно создается двумя-тремя кроткими разумными мерами, откроющими расколу путь победить самого себя. Он давно созрел для этого дела и давно на него просится. Имея некоторое знакомство с самыми заповедными преданиями раскола и зная по пальцам его слабые стороны, мы высказываем наши мысли и наши надежды совершенно сознательно и не боимся ошибиться. Нам ясно, и мы повторяем это еще раз, что “люди древнего благочестия” подошли к воротам. Привычным ухом мы слышим у этих ворот их скитовое: “Господи Иисусе Христе, сыне Божий! помилуй нас” и ждем... когда для них раздастся давно желанный “аминь”.

«ДВА СЛОВА ПО ПОВОДУ ТОЛКОВ О МАЛЕНЬКИХ ЛЮДЯХ»

С.-Петербург, воскресенье, 30-го июня 1863 г

Две наши статейки об отношениях русского рядского купечества к детям, взятым для обучения торговому делу, прошли, кажется, не даром. В петербургском гостином дворе возник на нас весьма нам приятный ропот негодования, и, как нам сказывали, два нумера “Пчелы”, в которых помещены эти статьи, тщательно скрыты, дабы в головах гостинодворских мальчиков не родилось своего рода опасного вольнодумства. Ну, что ж делать!

Полагаем, что петербургским рядовицам не поможет истребление двух зловредных для них нумеров нашей газеты, потому что, с другой стороны, наше ходатайство за малолетних, кажется, принято к сердцу, и ни волчец, ни терние его не подавят. Ждав три года какого-нибудь внимания к этому делу, можно уже быть терпеливым, когда чувствуешь, что под ободом хоть одна песчинка хрустнула, и своим хрустом дает знать, что авось либо и все колесо повернется на давно заржавевшей оси.

А тем временем, питая сладкие надежды на внимание к нашему ходатайству, ответим на два возражения и на одну угрозу наших торговых желчевиков.

“Что на нас нападают! — говорят они. — Нас и так разоряют и грабят наши приказчики. Наши приказчики плут на плуте едет, плутом погоняет и плутом след заметает. Мальчики шельмецы тоже все в них растут. Так и норовят, чтобы ловче смошенничать. А мы их кормим, как следует, и чаем завсегда поим вместе с приказчиками, и одеваем чисто, в сертучки и в брючки. Заводить же за ними надзор это значит только взяточничество распространять, потому что вон с ремесленных заведений уж берут взятки. Опять же, если мы захотим, так уж будет не по-нашему, не по-вашему, а по-Божьи, возьмем да и распустим ребятишек. Тогда им еще не в пример хуже будет, чем у нас. Это верно”.

Мы не хотим нимало противоречить тому, что приказчики очень часто и очень ловко переобувают наших коммерсантов из своих сапогов в чужие лапти. Еще менее мы намерены спорить, что вся эта порода ходит постоянно с пушком на рыльце и своим примером научает шкодливости смотрящее на все из-под его руки молодое поколение; но, собственно говоря, мы не понимаем, как рядское купечество может так строго относиться к самому себе! История наших купеческих капиталов известна: одна генерация работает, давится, алчничает и наживает гроши; другая безобразничает, бьет зеркала по трактирам и дает обирать себя приказчикам, а в третьей хозяйствский сын живет в молодцах у бывшего приказчика своего отца и рассчитывает, как скоро он сам будет дергать за волосенки сына теперешнего своего хозяина. Это у нас круговая порука. Но это, разумеется, не значит, что мы заступаемся за приказчиков. Ничуть не бывало! Нам до них нет вовсе никакого дела. Но мальчики, дети — другое дело.

Мы требуем для них свободы в праздник, чтобы они росли детьми и знали детские радости; стула в лавке, чтобы у них не было ножных болезней, и грамоты, чтобы они были хоть на волосок светлее и доступнее голосу совести, чем их принципалы, на которых уж все махнули рукой и не хотят мешать им по очереди превосходить друг друга в уменье подать, принять, разбить и забросить. Мальчики растут шельмецами! Да это и не диво. Примеры-то каковы? Сертучки им также нужны, и дает этот сертучок хозяин для себя, а не для мальчика, который есть только лавочная его мебель. О взятках с ремесленных заведений (кроме одного случая в швейном заведении) мы решительно не слыхали и полагаем, что если полицейская власть раз положит точно определенные границы хозяйствому произволению, то дальнейший контроль за этими границами совершенно смело можно вверить той же институции, которая смотрит за хозяевами ремесленных заведений. Ни новых учреждений, ни сочинения новых инструкций — ничего не надобно; нужно только новое право тем же людям, которые ходят, например, в сапожную мастерскую Г., заходить, например, и в магазин А. В. и tutti frutti.³

А что касается насчет страховы, что, дескать, “мы ребетенок совсем повышиваем за ворота”, то этому кто же поверит?

Это все равно, как если бы человек, разозлившиесь на свою руку, угрожал не брать в нее ложки с супом. Это вздор! Вместо мальчика нужно будет иметь “молодца”, а молодца нельзя ублаготворить тем, чем довольствуется мальчик, обучаясь шесть лет жить без всякой потребности. Купечество делает только то, что ему выгодно.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЭДЕЛЬСОН

Литературный некролог

В С.-Петербурге скончался от аневризма известный литературный критик Евгений Николаевич Эдельсон.

Человек этот простился с жизнью в полном развитии своих сил. Он умер рано, как умирает большинство русских людей, избравших себе литературную дорогу, тягчайшую из всех дорог, если избравший ее неспособен ни торговать своею совестью, ни вертеться, как волчок, под переменчивыми ветрами модных направлений.

Е. Н. Эдельсон был идеалист самый искренний и самый жаркий поклонник своих идеалов. Его идеалистическое направление, отражавшееся во всех его критических произведениях, в глазах некоторых из русских периодических изданий: "Современника", "Искры", "Русского слова", было достаточным поводом к бесконечному ряду обид, издевательств, которым нельзя подвести никакого итога. Е. Н. Эдельсон был выше всякого желания считаться со своими обидчиками, но близким ему людям известно, что некоторые из направленных против него выходок, переходя всякие пределы приличий дозволенной полемики, иногда тяжело его огорчали. Мальчишеское подтрунивание над ним и над его верованиями очень оскорбляло его, и не только оскорбляло его за него самого, но и за тех, кто решался так легко трунить над ним, человеком, считавшимся с каждым своим словом.

"Я одного не понимаю: как это можно написать, не боясь ответственности перед самим собою!" — воскликнул он один раз, прочитав стихотворение, в котором говорилось:

Написавши эту сказку,
Я уснул и видел сон,
Будто я не Монументов,
А эстетик Эдельсон.

Но покойник язвим был не только местью литературных врагов своих: язвили его порою холодные отзывы о нем друзей его по направлению. Евгения Николаевича Эдельсона люди его собственной партии часто упрекали за слишком мягкий, "слишком нерешительный" будто бы тон его статей.

Искренно его любившие люди позволяли себе иногда говорить ему это и в глаза:

— Отчего вы не высказываетесь порезче, порешительнее? — спрашивали его один раз, настоятельно требуя у него на этот вопрос ответа.

— Не могу, — отвечал Эдельсон.

— Но отчего именно не можете?

— Да я немножко слишком хорошо воспитан, чтобы состязаться в теперешнем решительном тоне. Мои чувства мне этого не позволяют. Это по сегодняшнему времени порок. Но я уже не могу себя переделать, — скромно заключил покойник.

Этим, то есть личною его мягкостью и благовоспитанностью, оскорблявшимися нарушением всякой чинности, эстетичности и благопристойности отношений, и в самом деле должна быть в значительной степени объясняема бесконечная мягкость статей Эдельсона, благодаря которой статьи эти для любителей резких мнений казались неопределенными и бесцветными.

При том редком уже в наше время литературном образовании, которое имел Эдельсон, ему, конечно, было бы весьма нетрудно найти много средств резко отпарировывать жестокие и, смело скажу, бесчестные удары, наносимые разновременно его самолюбию. Но это было не в его натуре. В приятельской беседе он иногда еще и позволял себе добродушно указывать на некоторые грубейшие промахи литературных невежд, нагло выдающих себя за гениев, способных произносить непогрешимые речи" но при первом слове о том, чтобы он печатно обличил это невежество и наглость, и обличил со всею тою горячностью, которой они заслуживают, покойный Эдельсон застенчиво отвечал:

— Нет, зачем же резко: я этим могу обидеть, — и он или совсем не писал об этом, или действительно писал, касаясь всего с такою щепетильною деликатностью, что статья его чрез это в самом деле утрачивала много силы, казалась водянистою и утешала тех же его неприятелей, против которых была направлена. Эдельсон это знал, и знал, что и он мог бы заговорить резко, но никогда не прибегал к этому в наше время победоносному средству, потому что он был действительно очень хорошо воспитан в преданиях, достойных благоговейного уважения.

Служение литературе для Эдельсона было делом наисвятейшим. Никто не боялся так обескуражить своим отзывом молодого писателя, как Эдельсон. Никто не был так строгодержан в осуждениях и так искренен в советах молодому писателю, как тот же Эдельсон.

Любовь его к литературе простиралась так далеко, что он даже рискнул для чужого издания, в которое некогда верил, значительнейшую частью своего весьма малого состояния, и рискнул неудачно: он потерял все, чем рискнул.

Я говорю: “он потерял все”, если лицо, столь неосторожно воспользовавшееся доверием Эдельсона, не вспомнит многочисленность оставленного Эдельсоном семейства и не заставит себя быть по отношению к своему долгу покойнику несколько велиководнее, чем велит казенный наказ о расплате.

Как частный человек, как друг, приятель, товарищ и знакомый, Е. Н. Эдельсон пользовался всяческим уважением. Я думаю, нельзя встретить ни одного мало-мальски порядочного и уважающего себя человека, который мог бы сказать об Эдельсоне что-нибудь недостойное памяти честнейшего человека. Из живущих теперь литературных людей он больше всего надеялся на А. Н. Островского и всегда с необыкновенною верою и теплотою говорил о его таланте. В последнее мое свидание с Эдельсоном только и говорил об Островском и все жалел о том, что его “Воевода” не пользуется у публики тем вниманием, на которое имеет всякое право. Говоря очень редко о личных своих привязанностях, Эдельсон с особенно святым, почти, так сказать, трепетным благоговением относился к своей супруге и с особеною нежностию к своей дочери, обучающейся в школе св. Анны.

После смерти Аполлона Александровича Григорьева, с которым покойный Эдельсон был приятельски близок, он часто говорил шутя, что ряные реалисты уже слишком строги и суровы к нему: “Что им все хочется меня пришибать? Меня уж для антика можно бы оставить доживать: я ведь уж в некотором роде последний из могикан”, — говорил он мне, встретясь со мною очень больной в последних числах декабря тысяча восемьсот шестьдесят седьмого года, — и покойный был прав: русская литература в нем склонила самого наивысшего идеалиста, который имел право, даже и не шутя, считать себя последним могиканином этого направления.

Впервые напечатано в 1868 году.